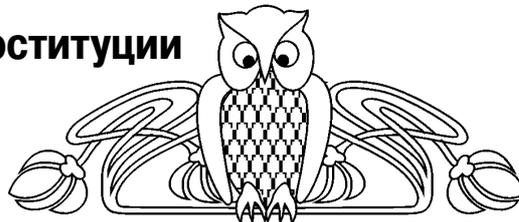

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 91–96
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 91–96

Научная статья
УДК [94:176.5](470.44–25)19/19
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-91-96>

Отношение жителей Саратова к проституции как форме девиантного поведения на рубеже XIX–XX веков

А. А. Ахметов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Ахметов Аскар Айипович, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, askar.akhmetov.93@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7621-6092>

Аннотация. В статье исследуется отношение различных слоев населения Саратова к проституции на рубеже XIX – XX вв. При всей неоднородности российского социума в общественном сознании поддерживался сложившийся веками стереотип о проституции как о позорном занятии и социальном зле. В рамках методологической концепции социальной истории и истории повседневности рассматривается отношение различных категорий горожан и местных властей к данной социальной девиации. Статья основана на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот.

Ключевые слова: проституция, отношение общества к девиациям, регламентация, письма во власть

Для цитирования: Ахметов А. А. Отношение жителей Саратова к проституции как форме девиантного поведения на рубеже XIX–XX веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 91–96. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-91-96>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-91-96>

Saratov citizens' attitude towards prostitution as a form of deviant behavior at the turn of XIX–XX centuries

Askar A. Akhmetov, askar.akhmetov.93@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7621-6092>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article examines the attitude of various segments of the population of Saratov to prostitution at the turn of the XIX–XX centuries. Despite the heterogeneity of the Russian society, the stereotype of prostitution as a shameful occupation and social evil, which had been established for centuries, was maintained in the public consciousness. Within the framework of the methodological concept of social history and the history of everyday life, the attitude of various categories of citizens and local authorities to this social deviation is considered. The article is based on archival materials that are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: prostitution, society's attitude to deviations, regulation, letters to the authorities

For citation: Akhmetov A. A. Saratov citizens' attitude towards prostitution as a form of deviant behavior at the turn of XIX–XX centuries. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 91–96 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-1-91-96>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

На рубеже XIX–XX вв. в России происходили процессы индустриализации и урбанизации, связанные с углублением социальной дифференциации и идейно-нравственным кризисом общества. Массовая миграция крестьян в города, их маргинализация привели к изменению городского пространства и резкому росту проституции. В условиях неоднородного российского социума в нем формировались неоднозначные морально-

нравственные представления населения о проституции, сексуальности и духовной свободе.

В российском обществе в конце XIX – начале XX в. в отношении противодействий проституции выделились два направления. Сторонники правительственного курса регламентации проституции призывали к усилению санитарно-медицинского и полицейского надзора, а также к привлечению органов местного самоуправления для обезврежива-

ния этого явления. Противники государственной регламентации, так называемые аболиционисты, добивались ликвидации причин проституции посредством улучшения социально-экономических условий жизни людей, развития нравственности и воспитания молодежи.

Саратов в конце XIX – начале XX в. предлагал широкий выбор учреждений с различными формами отдыха и развлечений (в основном они были направлены на удовлетворение потребностей мужского населения). Становление потребительского рынка и сферы досуга оказалось неотделимо от роста предложения и в индустрии услуг «девушек для увеселений». Поэтому большая часть мужского населения – солдаты, офицеры, студенты, рабочие и представители интеллигенции – не только одобряли «специфичный» досуг, но и считали его «подтверждением маскулинности»¹.

Более того, некоторые женатые мужчины полагали, что проституция необходима для поддержания здоровья членов социума, поэтому, когда жители ул. Петинной просили перенести «дома терпимости» с их участка на окраины города, они (клиенты) выступили защитниками «жриц любви». Так, 27 апреля 1905 г. житель ул. Петинской дом № 36 М. Павлов в прошении на имя губернатора г. Саратова писал: «Какое такое дадут мне лекарство, если я женатый человек и по воле судьбы шесть месяцев, а то и год по случаю болезни жены моей нахожусь одинокий и много мне подобных найдется не с целью разврата, а для здоровья, я должен идти за город. А если происходят в домах терпимости беспорядки, то строго винить в этом их нельзя, а уж скорее следует винить тех, кто над ними власть имеет»².

Следовательно, посещение «жриц любви» мужской половиной общества воспринималось как привычный элемент социума, причем не только у холостых, хотя посещение «борделей» несовершеннолетними юношами запрещалось не только моральными, но и правовыми нормами³. Вместе с тем не все мужское население относилось к проституции как сексуальному объекту. Некоторые представители саратовского купечества рассматривали ее с точки зрения финансового обогащения. Многие владельцы ресторанов, трактиров, различных «увеселительных заведений» для привлечения клиентов использовали поющих, играющих и танцующих девиц с «соответствующей репутацией». При этом чем «раскрепощеннее девицы», тем выше была популярность у заведения.

Одним из первых в Саратове ввел танцующих и поющих девиц купец Г. И. Барыкин в своем ресторане «Приволжский вокзал» (вокальный салон), который располагался на берегу Волги, на Большой Сергиевской (ныне Чернышевского) улице⁴. Внутреннее устройство заведения представляло собой ряд небольших комнаток, в которых мужчины могли уединиться в компании «веселых» дам. «В те компании приглашались обыкновенные

певицы и цыганки. Бывало, в цыганские хоры летели скомканные ассигнации-не сотенные, нет! – а все же 25-рублевые и красненькие. Цыганки – народ ловкий: они при виде денег громче пели песни, сильнее кривлялись, бесстыднее потрясали плечами и лезли к подвыпившим купцам и адвокатам со своими ласками»⁵, – отмечал известный саратовский журналист И. Горизонтов.

О ярких и завораживающих для мужской публики выступлениях говорилось и в личных мемуарах народного артиста СССР В. Н. Давыдова: «В вокзале Барыкина ... к услугам гуляющих было немало «премильных удовольствий. Пел хор осипших девиц, полуобнаженных и зело перезрелых, танцевали канкан и играл необыкновенный духовой оркестр, весь состоявший из женщин-музыкантов»⁶.

Владельцы «увеселительных заведений», в отличие от «публичных домов», редко «освобождались» от женщин в возрасте, так как публика любила некую «изюминку». Так, в словах песни солистки Марии Ивановны, выступавшей в ресторане Свечина, прослеживается ностальгия по своей «бурной» молодости:

Еще в пятнадцать лет
Себе я цену знала...⁷

Для увеселения публики многие рестораны и гостиницы города нанимали даже людей из наимущих слоев населения. Так, в конце XIX в. по Саратову гастролировала труппа в количестве четырех человек: взрослый мужчина, пожилая женщина, девушка лет 14–15 и юноша. Их часто приглашали, чтобы они пели песни, развлекали людей и просили милостыню. «Девочка ходила по публике за сбором пожертвований и подвергалась со стороны посетителей разным манипуляциям, лобзанью пьяных губ и пахучих ртов и, наконец, я видел этого ребенка пьяным и павшим...»⁸, – писал И. Горизонтов в своих воспоминаниях.

По свидетельству А. Ершова проституткам низкой категории приходилось тяжелее, чем «девицам» высшего класса. Они работали в дешевых кабаках и трактирах, где постоянными гостями были чернорабочие, нищие, воры и люди «прочих мастей». «Они под стать своим клиентам, жалкие, рваные, старые с подбитыми глазами и выдранными волосами, всегда сидели около дешевых питейных заведений»⁹. Внутренняя обстановка, царившая в подобных заведениях, оставляла желать лучшего: «Закопченный потолок, грязные стены, потные окна, повсюду кричащие и целующиеся люди, которые сидят с накрашенными «мамзелями» и пьют пиво, водку с чаем»¹⁰. Как правило, их услуги можно было купить всего за тарелку щей и рюмку водки. Подобные «жрицы любви» назывались «кабатчицами»¹¹.

Отношение интеллигенции к проституции отличалось в большинстве случаев жалостью и состраданием. И. Горизонтов в своих воспоминаниях так описывал горькую судьбу таких женщин: «... Жизнь этих певчих птичек» – одно из самых

нерадостных существований: это какая-то беспрерывная цепь нравственных страданий для тех из них, конечно, у которых еще бьется горячее сердце и сохранились добрые чувства. Почти всякая певица, прежде чем попасть в трактирный хор, проходит суровую стезю в жизни, нередко полной всяческих лишений и неудач; в большинстве случаев будущая певица прежде была героиней какого-нибудь романа, жертвой неустойчивой любви или животного сладострастия и уже потом, испробовав «радости бытия», попадает на подмостки... да иначе и быть не может: чтобы окунуться с головою в трактирную грязь, надо не иметь в жизни никакого выхода!»¹².

В целом в России в конце XIX – начале XX в. к бедным и падшим женщинам относились с состраданием многие благотворительные организации, помогая им деньгами, устраивая их на работу, организовывая различные мастерские и т. д. Для достижения поставленных целей благотворительные общества изыскивали различные источники: государственные субсидии, пожертвования обеспеченных слоев населения, организация самостоятельной предпринимательской деятельности, например, пошивочных мастерских, устройство благотворительных спектаклей, лотерей и пр.

Большие пожертвования шли и от царской семьи. Еще в 1861 г. в Саратове было основано «Дамское попечительство» о бедных, состоявшее под Высочайшим покровительством государыни императрицы и почетного попечителя в лице губернатора¹³. Оно не имело стабильного источника средств к существованию. В основном финансирование осуществлялось путем частных пожертвований от различных групп населения. Например, в 1890 г. общество купцов Саратова сделало взнос на 300 руб., а в 1913 г. – на 500 руб.¹⁴. Материальную помощь учреждению, выражавшуюся в форме единовременного пособия в 2000 руб., оказывало и губернское земство, а также Министерство внутренних дел, которое в 1912 г. внесло 400 руб., а в последующие годы – 299 руб. 75 коп.¹⁵

Кроме того, Саратовское «Дамское попечительство» ежегодно до Первой мировой войны с согласия городских властей организовывало различные благотворительные мероприятия с целью получения пожертвований: любительские спектакли, концерты, балы, народные гуляния, рождественские елки, лотереи-аллегри на бульваре «Липки» в дворянском собрании, в городском театре. Доход на подобных мероприятиях не был стабильным: в 1874–1875 гг. попечительство получило 2 500 руб., 1875–1876 гг. – 1668 руб., 1876–1877 гг. – 4 632 руб., 1877–1878 гг. – 598 руб., 1890 г. – 2053 руб., 1892 г. – 628 руб., 1893 г. – 2022 руб., 1900 г. – 3 779 руб., 1901 г. – 4022 руб., 1912 г. – 3109 руб., 1913 г. – 915 руб.¹⁶.

Все собранные денежные средства «Дамское попечительство» отправляло на поддержание саратовских благотворительных учреждений и

оказание посильной помощи обращающимся бедным. Так, под шефством общества находился приют для девочек-сирот и полусирот «Убежище Святого Хрисанфа», основанное в 1858 г. на средства купеческой семьи Тюльпиных. Благотворительное учреждение располагалось в начале Мирного переулка, на углу Малой Дворянской (Советская ул.) улицы и представляло собой двухэтажный дом¹⁷.

Целью приюта «Убежище Святого Хрисанфа» являлось оказание «посильной помощи бедным всех сословий вещами, а также обучение сирот из неимущих к ремеслу». Денежных средств, выделявшихся на финансирование приюта, вполне хватало. Так, смотритель учреждения М. В. Зотов в 1871 г. отмечал: «Что же касается содержания учениц, то есть пища, одежда, постель и т. д. В этом отношении нужно отдать должную честь господам попечителям и попечительницам. Пища готовится свежая (каждый день закупается), сытная и обильная, о чём свидетельствуют довольные лица детей, точно так же платье на детях и постели для них ведутся в чистоте и порядке»¹⁸.

Приюту «Убежище Святого Хрисанфа» для девочек-сирот и полусирот оказывалась и личная поддержка саратовского купечества. В 1890-х гг. купец В. В. Гудков обложил снаружи дом кирпичом и выстроил новую баню; в 1880 г. купец Ф. И. Курбатов оставил по духовному завещанию 1000 руб. с тем, чтобы проценты с этого капитала употреблялись в пользу «призреваемых в убежище»¹⁹. Н. Н. Львов в 1900 г. пожертвовал 1000 руб. «на покупку билета на вечный вклад на имя убежища с тем, чтоб из процентов с этого вклада ежегодно покупалась швейная машина для выдачи ее в награду лучшей из окончивших курс в убежище ученице»²⁰.

Внутреннее устройство приюта представляло собой комнату для рукоделия, помещения для смотрительницы и мастериц, приемную, две «уборные» комнаты для девочек младшего и старшего возрастов. «Помещения были похуже, темноватее и сероватее»²¹.

Все воспитанницы находились полностью на обеспечении приюта. «У каждой девочки имелась железная кровать, постельное белье, обувь, платье»²². Питание было организовано следующим образом: «По утрам чай с порцией калача, обед из двух блюд (в праздничные дни еще и пирог) и ужин из двух блюд»²³. По словам М. В. Зотова, «все вещи и обстановка были не роскошные, обычные, но зато они воспитывались в не разбалованных и щеголеватых дам сомнительного поведения, а в опрятных и трудолюбивых работниц»²⁴. Занятия проводились в светлых помещениях по 2 ч утром и вечером на втором этаже. Им преподавались закон божий, русское чтение с главными основаниями грамматики, арифметика и письмо в объеме начальных народных школ. Кроме того, с появлением библиотеки в 1879 г. качественно изменился досуг девушек²⁵.

В 1878 г., стараниями руководителя приюта В. И. Кривской была организована рукодельная, в которой воспитанницы учились шитью и кройки платьев и белья, вязанию крючком. Хорошее качество работ шитья привлекало в мастерскую многочисленных заказчиков, что давало возможность девушкам заработать. В 1880 г. выручка от выполненных работ составила 272 руб. 12 коп.²⁶

Система воспитания в приюте была достаточно строгая. Все девушки обязаны были «мыть полы, прибираться в комнатах, стирать белье, прислуживать за столом и помогать на кухне»²⁷. Конечно, не все воспитанницы после 5 лет обучения в приюте становились профессиональными мастерицами. Однако «Убежище Святого Хрисанфа», благодаря своей методике обучения, давало девушкам ориентир во взрослой жизни и профессии швеи, на доход от которой можно было прожить. К тому же оно выполняло превентивную функцию в борьбе с распространением проституции.

Основная часть населения Саратова крайне пренебрежительно и негативно относилась к соседству с проституцией. Как это ни парадоксально, жители в этом вопросе не проявляли единства в борьбе против домов терпимости на их улицах. Между горожанами (обывателями) и владельцами квартир (домов), сдававшим их в аренду под публичные дома, велась активная «борьба»²⁸.

Легальные и тайные публичные дома, проститутки, основными клиентами которых были солдаты, крестьяне, рабочие и студенты, действительно доставляли неудобства горожанам. Чтобы завлечь посетителей, публичные женщины систематически в состоянии алкогольного опьянения «сидели на крыльцах заведений» в непристойном виде, оскорбляли прохожих, соседей, зывали мужчин нецензурными выражениями, всеми способами старались «заманить их к себе»²⁹. Визитеры, как правило, посещали подобные места в охмелевшем состоянии, нередко по пути следования к ним завлекали публику различными «бранными словами» и даже «тычками, пинками»³⁰. Нередко они путали дома простых жителей и соответствующие учреждения. В одной из жалоб жителя Саратова отмечалось, что «ночью как мы только заснули, около часа ночи, мы были разбужены пронзительным звонком продолжающегося без перерыва около 10 минут. Как оказалось, искали злчные места. Прошу перенести уличное освещение от моего дома, так как этот фонарь главным образом и вводит в заблуждение ночных посетителей»³¹.

В прошениях о переводе домов терпимости со своих улиц горожане приводили веские аргументы. В 1902 г. жители ул. Угодниковской в прошении на имя губернатора писали: «Пребывание на нашей улице этих, можно сказать пакостных учреждений, мы лишены возможности видеть у себя в домах приходское духовенство в великие христианские праздники, так как последние

считают для себя прискорбным заезжать на эту позорную улицу. Кроме того, мы постоянно живем в атмосфере хаоса, под окнами постоянные кровопролитные мордобитье, результатом чего приходится видеть у себя или разбитое стекло, или сломанную парадную дверь или же оторванные петли у калитки»³². Необходимо заметить, что жители ул. Угодниковской в конце 1902 г. смогли добиться переселения заведений с «сомнительной репутацией» на Петинскую, Камышинскую и Ильинскую улицы.

В 1903 г. угроза открытия новых домов терпимости нависла над жителями Петинской, Камышинской и Ильинской улиц. Жители ул. Петинской 25 февраля 1904 г. написали прошение на имя П. А. Столыпина: «Ходатайствуем о переводе имеющих домов терпимости в другую местность города и донести, что некоторые дома терпимости, ранее были также и на Угодниковской улице, но так как эта последняя слишком мала для размещения упомянутых заведений и ввиду ходяйств жителей, власть перевела эти заведения на Петинскую улицу, и, как жители улицы не желаем у себя иметь подобного рода заведения, то просим отвести публичным домам места, где они могли быть разрешены»³³.

Многие публичные дома размещались около винных лавок и, несмотря на запреты Врачебно-полицейского комитета г. Саратова, некоторым борделям алкоголь доставлялся по адресу: «Ежедневно в 12 часов дня доставляется алкоголь в обильном количестве местными заводчиками»³⁴. Поэтому возле домов терпимости в любое время суток постоянно находились лица в нетрезвом виде. Солдаты местных частей целыми группами систематически приставали к прохожим женщинам с недвусмысленными предложениями. Люди жаловались, что боятся «из дома выйти, в особенности в вечернее время суток, можно получить не только от пьяных солдат насмешки и колкости, но и оскорбления»³⁵.

В заведениях постоянно происходили драки, ругани, доносились «скабрзные песни», скандалы в любое время суток³⁶. Часто жены солдат (солдатки) приходили в заведения разбираться со своими мужьями и девицами. Так, в 1906 г. жители ул. Петинской в очередном прошении отмечали: «В прошлом месяце жены солдат устроили шум и побоище в доме терпимости, – не будь этого соседства, ничего подобного не было бы»³⁷.

Дети горожан часто становились свидетелями буйных сцен на улице и подвергались оскорблениям со стороны не только только девиц-проституток, но и их клиентов. Поэтому родители боялись лишний раз выпускать их на улицу одних. Опасения жильцов были оправданы. Женщины обслуживали не только клиентов в алкогольном состоянии, но и несовершеннолетних, несмотря на законодательный запрет: «Замечено, что случаются посещения заведений 10-летним мальчиком»³⁸, – отмечали жители ул. Петинской в 1906 г.

Ситуация еще больше усугублялась тем, что через ул. Петинскую по Ильинской, т. е. рядом с домами терпимости пролегал самый «бойкий» по движению железно-конный путь (Ильинская конка). Именно через это место проходил короткий маршрут на многие дачи и почти единственная дорога до института благородных девиц. Кроме того, по соседству с домами терпимости находились две церкви Святого князя Владимира, церковь во имя святителя Митрофана Воронежского и три училища: Саратовское духовное училище (на Камышинской ул.), 15-е городское начальное мужское и 5-е начальное женское училище (на ул. Петинской)³⁹. Многие школы требовали, чтобы родители с детьми переехали из злополучных мест в более благополучные районы города, что для большинства горожан было равносильно отказу в приеме в школу⁴⁰. Действительно, как отмечал известный саратовский краевед Г. А. Мишин, «детей с этих улиц не принимали в училища и гимназии, считая, что они уже изначально нравственно испорчены. Некоторые родители меняли место жительства, чтобы иметь возможность дать своим детям образование»⁴¹.

Другая проблема жителей была связана со сдачей жилых помещений в аренду. Жилье, находившееся по соседству с публичными домами, теряло в цене. В 1905 г. жители ул. Петинской в прошении на имя губернатора писали: «Стоимость наших квартир упала, а налоги повысились»⁴². Им приходилось снижать цену на аренду своих квартир, но даже при низкой стоимости помещения часто пустовали, поскольку немногие были готовы проживать по соседству с публичными домами. Если удавалось найти квартиросъемщиков, то нередко это были не совсем приличные люди, которые доставляли проблемы наравне с клиентами «девушек для радости». «Нам в силу необходимости приходится держать нежелательных квартирантов, при которых невозможен приличный вид помещений, как внутри зданий, так и с улицы»⁴³, – отмечалось в 1905 г. в петиции губернатору П. А. Столыпину.

В свою очередь горожане, сдававшие свое жилье под публичные дома, также писали прошения на имя городских властей о сохранении последних на указанных улицах, для чего использовали местные газеты, в частности «Саратовский Листок»⁴⁴. По мнению арендодателей, никаких незаконных сцен в домах терпимости, а уж тем более на улицах, не происходило, жалобы соседей неоправданные, в доказательство они приводили «честное слово» солдат бывшей 1-й и 5-й частей⁴⁵. Арендодатели также отрицали обвинения в том, что «проститутки – пьяницы и воровки: «Они тоже мирные жители, ни пьянства, ни воровство, ни убийства и ни грабежа не производится»⁴⁶. В качестве аргумента в свою пользу они сравнивали положение с домами терпимости в Саратове и центральных губерниях. Так, в 1905 г. в прошении на имя губернатора

отмечалось: «...Дома терпимости существуют в столичных городах Петербурге и Москве и во всех губернских городах, даже и уездных, и соседи оных не ходатайствуют о выселении их из одного места в другое»⁴⁷.

Главным вопросом, больше всего беспокоившим владельцев недвижимости, была аренда. Цена сдаваемого в наем помещения могла достигать до 100 руб. в месяц⁴⁸, что являлось большим заработком. Логично, что арендодатели не желали терять выгодных квартиросъемщиков. К тому же эти помещения были специально приспособлены под публичные дома, поэтому не всегда подходили для частных лиц – требовалось перестраивать и ремонтировать их, что было чревато большими финансовыми потерями⁴⁹.

Городская власть в лице полиции и полицмейстера к жалобам жителей оставалась безучастной. Нейтральную позицию по отношению к проблеме в 1902 г. полицмейстер объяснял тем, что «переселения домов терпимости на окраины города, ослабит полицейский контроль из-за их отдаленности и соответственно увеличатся количества беспорядков, напрямую связанных с проституцией»⁵⁰. При этом полиция, призванная бороться с распространением сифилиса, часто злоупотребляла своей властью. В периодической печати появлялись заметки о полицейских, осужденных за взяточничество, насильственные действия, поборы с содержателей публичных домов и проститутток. Так, например, в 1913 г. саратовский становой пристав насильственно «подверг освидетельствованию как проститутку дочь купца, которая отказалась с ним сожительствовать». В связи с тем, что девушка была не из бедной семьи, этот случай получил большую огласку и даже был освещен в Санкт-Петербургском журнале «Женский вестник»⁵¹.

Недовольство жителей Саратова становилось настолько сильным, насколько проституция вторгалась в их личное пространство. Многочисленные прошения горожан о переводе домов терпимости затрагивали в основном простых людей «низшего пошиба», а с проституцией, которая получила распространение в ресторанах, гостиницах для высшей публики, приходилось мириться.

Таким образом, проституция в конце XIX – начале XX вв. в Саратове стала привычным элементом социально-экономической жизни. Городская общественность в условиях развития потребительского рынка и урбанизации относилась к «девушкам для радости» неоднозначно. В зависимости от адаптации к новым условиям одна часть общества спокойно сосуществовала с данной формой социальной девиантности (а некоторым такое положение дел было даже финансово выгодно). Другую часть горожан возмущала не только сама аморальность проституции, но и отношение властей к этому явлению.

Примечания

- ¹ Малышева С. Ю. Публичные дома и проститутки в досуговой и повседневной жизни Казани. Казань : Казанский федеральный университет. 2014. С. 19.
- ² Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 4 (Саратовская городская управа). Оп. 1 Д. 1910. Л. 33.
- ³ См.: ГАСО. Ф. 60 (Саратовский полицмейстер). Оп. 1. Д. 5. Л. 18.
- ⁴ См.: Горизонтов. И. П. Из писем приятелю // Волга, 1990. № 5. С. 81.
- ⁵ Там же. С. 82.
- ⁶ Давыдов В. Н. Рассказ о прошлом. М. ; Л. : Искусство, 1962. С. 123.
- ⁷ Горизонтов. И. П. Указ. соч. С. 82.
- ⁸ Там же. С. 81.
- ⁹ Ершов А. Очерк чернорабочего движения в Саратовском крае. Саратов, 1909. С. 17.
- ¹⁰ Там же. С. 18.
- ¹¹ См.: Ильюхов А. А. Проституция в России с XVII века до 1917 года. М. : Новый хронограф, 2008. С. 193.
- ¹² Горизонтов. И. П. Указ. соч. С. 83.
- ¹³ См.: Отчет комитета, состоящего под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Саратовского дамского попечительства о бедных за 1875/76 год (далее – Отчет комитета... за ... год). Саратов, 1876. С. 10.
- ¹⁴ См.: Отчет комитета... за 1913 год. Саратов, 1913. С. 14.
- ¹⁵ См.: Отчет комитета... за 1912 год. Саратов, 1912. С. 12.
- ¹⁶ См.: Отчет комитета... за 1875–1916 года. Саратов, 1916. С. 43.
- ¹⁷ См.: ГАСО. Ф. 407. (Саратовская губернская ученая архивная комиссия) Оп. 2. Д. 787. Л. 38.
- ¹⁸ Там же. Л. 39.
- ¹⁹ Отчет комитета... за 1880 год. Саратов, 1880. С. 34.
- ²⁰ См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 787. Л. 38.
- ²¹ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 787. Л. 41.
- ²² Там же. Л. 39.
- ²³ Там же. Л. 39.
- ²⁴ Там же. Л. 40.
- ²⁵ Там же. Л. 42.
- ²⁶ Там же. Л. 43.
- ²⁷ Там же. Л. 42.
- ²⁸ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1910. Л. 1–46.
- ²⁹ Там же. Л. 2.
- ³⁰ Там же. Л. 3.
- ³¹ Там же. Л. 13.
- ³² Там же. Л. 3.
- ³³ Там же. Л. 23.
- ³⁴ Там же. Л. 2.
- ³⁵ Там же. Л. 17.
- ³⁶ Там же. Л. 25.
- ³⁷ Саратовский дневник. 1905. № 65.
- ³⁸ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1910. Л. 33.
- ³⁹ См.: Саратовский Дневник. 1905. № 74.
- ⁴⁰ См.: ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1910. Л. 25.
- ⁴¹ Мишин Г. Из прошлого Саратовской губернии. Саратов : Приволжское книжное издательство, 2002. С. 162.
- ⁴² ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1910. Л. 26.
- ⁴³ Там же. Л. 28.
- ⁴⁴ Саратовский Листок. 1902. № 206.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1910. Л. 37.
- ⁴⁷ Там же. Л. 38.
- ⁴⁸ Там же. Л. 30.
- ⁴⁹ Там же. Л. 11.
- ⁵⁰ Там же. Л. 27.
- ⁵¹ См.: Женский вестник. 1913. № 9. С. 24.

Поступила в редакцию 09.10.2020, после рецензирования 20.10.2020, принята к публикации 05.11.2020
Received 09.10.2020, revised 20.10.2020, accepted 05.11.2020